

ГЛАВА II. Анализ буржуазных элементов в социалистическом руководстве

Социальный анализ представителей власти социалистических партий показывает, что в большинстве своем они происходят из двух социальных слоев: пролетариата или буржуазии, то есть интеллигенции. Среднее сословие: мелкая буржуазия, самостоятельное мелкое крестьянство, ремесленники и торговцы – в руководстве практически не представлено. При определенных обстоятельствах они остаются важными попутчиками рабочего класса, но не занимают руководящих постов.

Чужеродные представители буржуазии в гораздо большей степени исполнены великого идеализма, чем представители пролетариата.

Это легко объяснить с точки зрения психологии. Пусть не повсеместно и не во всех пролетарских слоях, но уже давно не редкость, что пролетарию не обязательно становиться социалистом, он социалист по праву происхождения, он рожден в партии. В странах, где капитализм существует достаточно давно, в некоторых рабочих кругах уже сформировалась своя социалистическая традиция. Сын наследует от отца классовое мышление, которое тот, в свою очередь, вероятно, унаследовал от деда. Социализм у них в крови. К тому же современные экономические отношения и свойственная им классовая борьба, которой не может избежать даже закоренелый противник социализма, вынуждают пролетария вступить в ряды рабочей партии. Социализм не только не противоречит его представлениям о социальных классах, но точно и полностью их отражает. Пролетарий, наемный рабочий, социал-демократ – социалист, который руководствуется собственными интересами. Конечно, его принадлежность к партии может нанести ему материальный ущерб, он может потерять работу и кусок хлеба, но как раз поэтому его социализм – чистое проявление классового эгоизма. Страдания, на которые он, вероятно, себя обрекает, он переносит во имя своего класса, его поддерживает признание и благодарность товарищей. Поступки пролетария-социалиста – классовые поступки, которые зачастую приносят материальную прибыль, а не наносят ущерб (ср. ч. IV, гл. 4).

Все эти причины вступления в социалистическую партию не применимы к социалистам буржуазного происхождения. Никто из них не принадлежит партии по праву рождения,

даже по своему образу мыслей. Их семейные политические традиции требуют откровенно враждебного отношения к рабочему движению или хотя бы пренебрежительно-отстраненного отношения к социализму. Сын наследует классовое мышление отца, противоположное мышлению сына пролетария: классовое мышление буржуа. У него в крови не социализм, а одно из проявлений капитализма в сочетании с интеллигентностью, которая дает ему мнимое чувство превосходства. К тому же сказывается воздействие экономических отношений и воспитания в школе – они настраивают его враждебно по отношению к социалистическим рабочим кругам. Он начинает бояться нападения со стороны «четвертого сословия», он боится за свое имущество. Его классовый эгоизм превращается в личную ненависть, которую только подогревают его академическое образование и самосознание «юного господина». Влияние образования и среды на «недорослей-буржуа» настолько сильно, что, даже если они растут в семье, расположенной к идеям социализма, душой и умом разделяющей идеи рабочего движения, весьма велик риск, что буржуазные инстинкты одержат верх над социалистическими взглядами его семьи. Случаи, когда образованные дети социалистов решительно идут по стопам своих отцов, как это было с детьми Маркса, Лонге, Либкнехта или Молькенбура, до сих пор остаются исключительными. Не последнюю роль в этом играют социалистические образовательные методы, которые мы так часто встречаем в социалистических семьях. Но даже если отбросить эти наблюдения, представляющие собой очевидную помеху в развитии социалистического сознания, сын буржуа крайне остро чувствует влияние классовой среды. С точки зрения экономики к буржуазному классу, безусловно, относятся и те буржуа, которые переходят на сторону социал-демократии. Они волей-неволей продолжают вести экономическую классовую борьбу на стороне буржуазии, несмотря на то, что умом и душой сражаются на стороне пролетариата. Как и представители политической буржуазии, они во многих отношениях принадлежат к эксплуататорам, не в вульгарном, но в историческом смысле, например в своем отношении к домашней прислуге. Для сына буржуа вступление в социал-демократическую партию означает разрыв с собственным социальным классом, в большинстве случаев это приводит к значительному ущербу, моральному, общественному, а зачастую и материальному. В кругах мелких буржуа переход в ряды пролетариата может быть воспринят не так остро, ведь они не так далеки от рабочих в социальном и духовном отношении и зачастую отделены от самых обеспеченных представителей пролетариата лишь воображаемой ширмой классовых предрассудков. Иначе дело обстоит с буржуазией. Чем сильнее выражена семейная традиция, чем выше социальный статус членов семьи, чем они богаче и т. д., тем труднее молодому человеку примкнуть к рядам социал-демократии. Для сыновей крупных буржуа, больших чиновников, патрициев и феодальных аристократов подобное решение может обернуться катастрофой [373]. Ему разрешается поддаваться гуманистической сентиментальности, в худшем случае называть себя социалистом, но стоит ему стать официальным членом политического рабочего движения и постоянно маршировать в одном ряду с толпой «подстрекателей», для своего класса он тут же становится дезертиром, параноиком или *mauvais sujet*. Он оказывается полностью лишен своего общественного положения, среди представителей своего класса он не получает никакой поддержки. Самые крепкие семейные узы оказываются разорванными. Родители и родные отворачиваются от него, зачастую навсегда. Он порывает со своим прошлым.

Анализ причин, по которым интеллигент примыкает к рабочему движению, позволяет выделить два главных его типа.

1. Человек науки. Он преследует исключительно объективные цели, которые простому народу кажутся непрактичными и странными. Его побуждения исполнены идеализма, так как ради науки и ее достижений он готов пожертвовать всем. Он поддается порыву эгоизма, пусть и принявшего весьма благородную форму. Ему от рождения свойственно научное упорство. Однако психология установила, что человек, поддавшийся своим естественным влечениям, испытывает чувственное удовольствие. Жертва, которую ученый-социалист приносит партии, приносит ему удовлетворение. Несмотря на ущерб, который вынужден терпеть буржуа, вступивший в ряды социал-демократов, его наградой будет спокойная совесть. Это удовлетворение может обернуться честолюбием – честолюбием выдающихся амбиций. Такой вид амбициозности, конечно, не имеет ничего общего с грубым стремлением к приумножению земных благ (карьера, богатства и т. д.).

2. Человек с богатым и пламенным внутренним миром. Он встает на путь социализма, как правило, уже в юности. Возраст, материальные заботы и предосторожности еще не преграждают путь ударной мощи горячей молодости, а любая мысль вызывает равный восторг. Им движет самоотверженность и жажда творить добро[374]. Его мотивы преисполнены возвышенного отвращения к несправедливости, сострадания к слабым и угнетенным, готовности к самопожертвованию ради идеи, которая внушает уверенность даже самым трусливым и бездеятельным натурам[375]. Все это сочетается с немалой долей оптимизма и завышенной оценкой потенциала движения, а также с ложными представлениями о скорости, с какой могут быть достигнуты поставленные цели. Важную роль играют и чувственно-эстетические особенности. Поэтический дар, мечтательность, сила воображения помогают быстрее понять и ярче представить глубину общественных страданий. В этом случае чем больше социальная дистанция между воображаемым и реальным, тем ярче фантазия. К тому же эмоциональная возбудимость, которая помогает облечь фантазии в слова, *patiga ipsa* также ведет к социализму[376]. Поэтому в рядах борцов за свободу труда мы видим такое множество поэтов, пылких, восторженных, страстных людей[377].

Возникает вопрос, представителей какого из двух типов больше среди тех, кто пополняет ряды социалистов: последовательных ученых или сентиментальных натур? На этот вопрос не так легко ответить. Вероятно, среди тех, кто вступает в партийные ряды в юные годы, преобладают последние [378]; среди тех, кто решается на подобный шаг в более зрелом возрасте, – первые. Внутри движения в целом преобладает смешанный тип. Бенедетто Кроче обратил внимание на то, как буржуазные ученые, которые на протяжении долгого времени поддерживают социализм из этических соображений или, говоря иначе, видят в идеях социализма справедливое решение общественных проблем, официально вступают в ряды социалистов, когда – зачастую вопреки собственным ожиданиям – научным путем убеждаются в осуществимости того, к чему всем сердцем стремятся[379]. Таким образом, возникает синтез чувства и познания. В 1894 году в Италии среди именитых художников и ученых был проведен опрос, посвященный вопросам социализма. Один из вопросов анкеты касался симпатий, безразличия или отрицательного отношения к социалистическим целям. Результат этого научного исследования продемонстрировал существующие проблемы и смешанные чувства по отношению к социализму: большинство опрошенных сказали, что их социалистические убеждения по большей части основываются на душевной расположенности, подкрепленной рабочим воодушевлением[380]. Это применимо и к

марксистам, пусть они и стараются сделать вид, что презирают сентиментальность и сострадание. На деле же их принципиальная закоснелость являет собой пример настоящего идеализма, по крайней мере до тех пор, пока их не поглотит партийная жизнь[381].

Предрасположенности к социалистическому мировоззрению, согласия с его принципами не всегда достаточно, чтобы присоединиться к партии. Многие боятся присоединиться к партии, состоящей из незнакомцев [382], еще чаще возникают инертность и оправданный или неоправданный страх перед негативными последствиями подобного шага. Зачастую, чтобы принять окончательное решение, не хватает внешнего воздействия: вопиющего ущемления прав, которое будоражит народные умы, или частной несправедливости, случившейся с тем, кто должен отважиться на последний шаг, либо с его близкими[383]. После этого внезапный приступ эгоизма завершает неторопливую работу альтруистических принципов. В других случаях решающей оказывается необходимость, которая делает людей злобными и неосмотрительными, и скрытые социалисты решаются перейти Рубикон почти случайно. Тот, кто собирается вступить в партию, обрекает себя на «позор» в глазах представителей своего класса, когда признается в тайных симпатиях к социализму. Многие не вступают в рабочую партию до тех пор, пока их не разоблачат в буржуазной прессе, обвинив в социалистических симпатиях, тем самым поставив перед дилеммой: либо постыдно отступить и отказаться от своих идей, либо открыто признаться в скрытых до сих пор убеждениях[384]. Они приходят к социализму, как кормилица к ребенку, – против собственной воли. Русский нигилист Нечаев основывал один из своих самых жестоких агитационных проектов на публичном разоблачении. По его словам, революционер обязан компрометировать любого, кто не полностью разделяет его идеи, чтобы уничтожить все сохранившиеся связи с противником и наставить на истинный путь[385].

Многие утверждают, что степень восприимчивости к социалистическим идеям отличается среди представителей различных свободных профессий. Гуманитарные науки в узком смысле слова, философия, история, экономика, теология, юриспруденция преисполнены духом прошлого, а потому ученые, посвятившие себя их изучению, а priori не восприимчивы к подрывным убеждениям. В особенности юриспруденции свойственны любовь к точности и порядку, приверженность фактам, уважение к форме, медлительность и, если угодно, ограниченность кругозора, которые по необходимости призваны исправлять ошибки демократии[386]. Идеалистические, дедуктивные науки весьма авторитарны и аристократичны по своей природе, а их последователи склонны к реакционному доктринерству. В свою очередь, метод тех, кто посвятил себя экспериментальным, индуктивным наукам, заключается в наблюдении, которое приводит к постепенному и осторожному обобщению, поэтому их легко привлечь к борьбе за прогрессивные цели [387]. Особенно врачи, которые вынуждены непрестанно бороться с человеческим страданием, склонны к социалистическому мировосприятию [388].

Исследование профессионального состава интеллигенции рабочих партий не подтверждает подобное предположение. Врачи составляют заметную долю социалистической интеллигенции лишь в Италии и Франции. Юридические и адвокатские профессии в партийных рядах тех же стран заметно уступают гуманитарным[389]. В Германии отношения между представителями рабочего движения и не самыми благополучно устроенными врачами (врачами страховых компаний) трудно назвать теплыми. Вообще

врачи, как правило, относятся к социализму предвзято и грубо в отличие от абстрактных философов или свободных студентов права. Приверженность к материалистическому и консервативному дарвинизму-геккелизму, излюбленным научным направлениям медиков последних 40 лет, закрывает врачам путь к пониманию сути и целей социализма. К тому же врачи часто становятся циниками, что приводит к эгоизму – он возникает как ответная реакция внутренней жажды жизни на окружающие их гнилостный смрад, человеческую подлость, глупость и дряхлость, с которыми им приходится иметь дело.

Несколько слов о большом количестве евреев в рядах социал-демократического и революционного партийного руководства. Евреям свойственны особые качества: среди представителей их рода особенно распространены односторонний, сильно воздействующий на массы фанатизм, непоколебимая, убедительная уверенность в себе – своего рода профетизм, высокоразвитые ораторские способности, честолюбие и стремление выставить напоказ собственные достижения, а также в первую очередь неограниченная способность к адаптации. Все это делает евреев прирожденными вожаками масс, организаторами и агитаторами. За последние 75 лет не существовало ни одного политического народного движения, руководящие посты в котором не занимали бы евреи. Некоторые движения и вовсе можно назвать их творением. Евреи устраивают революции, возглавляют реакционные движения. Социализм и консерватизм сформированы под влиянием евреев, пропитаны духом еврейства. С одной стороны, Маркс и Лассаль, которые разжигали пламя революции, с другой – еврей Юлиус Шталь, одаренный теоретик феодального реакционизма после 1848 года, еврей Дизраэли, основатель Лиги подснежника и создатель Консервативной партии Великобритании. На вершине пестрого многообразия национальных движений, ненавидящих друг друга, всегда стоят евреи. В Венеции знамя освободительной борьбы против австрийцев поднял Даниэле Манин. В ходе немецко-французской войны Гамбетта основал *defense nationale*. В Англии уже упомянутый Дизраэли выдвинул лозунг «Целостность Британской империи». В Германии Симеон, Бамбергер и Ласкер возглавили либеральное направление, либерализм которого заметно побледнел на фоне их национальных чувств, именно они стали крестными отцами империи. В Австрии евреи председательствуют почти во всех шовинистских национальных партиях. Среди немецких цыган, итальянских ирредентистов, польских националистов, в особенности среди мадьяр самые отъявленные фанатики имеют еврейское происхождение. Не существует организации, которую не смог бы возглавить еврей. Даже среди лидеров антисемитизма есть евреи.

Но всеобщей способности к адаптации и предприимчивости недостаточно, чтобы исчерпывающе объяснить количественное и качественное превосходство евреев в рабочих партиях[390].

Причины такой власти, в которой не стоит усматривать иудаизацию, так как это означало бы материальную зависимость партии от еврейских и партийных товарищей-капиталистов[391], по крайней мере в Германии и восточных государствах, кроются в особой роли евреев в прошлом и настоящем рабочего движения. Легальная эмансипация евреев еще не повлекла за собой социальную. В широких народных кругах Германии еще сохранились ненависть к евреям и их травля, еще живо необъяснимое чувство неприязни к ним. В вопросах карьеры еврей чувствует себя ущемленным: ему нечего и рассчитывать на

должность судьи или офицера либо на карьеру в государственных службах. К тому же в евреях живет древнее и справедливое чувство родового возмущения, причина которого – в несправедливом отношении к представителям этой нации. Эта несправедливость в сочетании со свойственным евреям идеализмом значительно быстрее, чем в представителях германских наций, превращается в отвращение к любой несправедливости и всеобщее стремление к улучшению мира[392].

Таким образом, даже зажиточные евреи, по крайней мере в Центральной и Восточной Европе, не могут похвастаться привилегиями в том, что касается социального статуса или общественного мнения. Им недоступно то, что доступно христианам, находящимся на той же экономической ступени политической, экономической и моральной лестницы. Их интернациональность позволяет им естественным образом отчасти рационально, отчасти бессознательно игнорировать обвинения социал-демократии в отсутствии патриотизма.

По этим причинам путь от еврейства к социал-демократии короче, чем путь, который должна пройти «арийская» интеллигенция, чтобы добраться до мира социалистических идей. Социал-демократия многим обязана интеллектуалам еврейского происхождения. Ведь именно благодаря им имеющие стабильный заработок представители крупной и даже мелкой еврейской буржуазии на всех выборах отдают свои голоса в пользу социал-демократов, хотя при этом держатся в стороне от партийной организации. В их лице классовый интерес берет верх над родо-племенным. Как уже было отмечено, иначе дело обстоит в кругах еврейской интеллигенции, лишь 2–3 % которой имеют право вступить в социал-демократическую партию. Поэтому успешное противостояние, которое социал-демократия оказывает то и дело возникающим антисемитским настроениям, обусловлено не только ее теоретической ненавистью к любой национальной напыщенности или глупым расовым предрассудкам, но и чувством благодарности еврейским интеллектуалам[393].

Теперь можно сделать несколько замечаний по поводу причудливого явления: власти плутократии в социалистических рядах.

Благонравные и сытые люди в определенных обстоятельствах испытывают необходимость в пропаганде, соответствующей их классовому положению. Они мечтают о том, что их благополучная жизнь станет доступной и их ближним. Речь идет о богатых филантропах. Их внутренний стимул определяется не столько чувствительностью, сентиментальностью, состраданием чужому горю, сколько неудобством, которое причиняет их комфорту чужое страдание. Точно так же большинство людей не могут смотреть, как убивают голубей, но не отказываются от употребления их мяса в пищу.

Некоторым из богатейших и мудрейших умов пришла странная идея, что в случае неизбежной революции они смогут спасти свое имущество от конфискационной ярости революционеров, только обратившись в социалистическую веру и заручившись расположением партийного руководства, что привело их прямо в объятия социалистов. Страх, в том числе и за свою жизнь, которой угрожают разгневанные бедняки[394]. Часто очень богатые люди, как точно подметил Бернард Шоу, обращаются к идеям социализма, так как ищут новых удовольствий и подавляют свое классовое сознание из отвращения к буржуазному миру[395].

Примечательно значительное количество евреев среди обеспеченных рантье рабочих партий[396]. Это можно объяснить национальными особенностями характера евреев, рассмотренными выше. Но этот феномен относится и к психологии невероятно богатых, пресытившихся людей. В отдельных случаях ярко выраженное стремление к обогащению, свойственное евреям, объясняет и их стремление удачно вложить часть капитала в дело рабочего движения и, как принято сейчас говорить, нажиться на этом.

Основной принцип состоит в том, что большинство молодых буржуа, говоря словами Феличе Момильяно, обращаются к социализму преисполненные простодушием и воодушевленным пылом, им не нужны овалы, почести или хорошо оплачиваемые должности по одной простой причине: они были вынуждены пойти на это, чтобы успокоить свою совесть и выразить свои внутренние убеждения[397]. Здесь мы снова можем выделить два типа: спокойный, все понимающий и всеобъемлющий апостол и страстный, непреклонный и безрассудный фанатик[398]. Однако среди буржуазных социалистов помимо указанных типов есть и толпы недовольных, шарлатанов и честолюбцев, тех, кто превратил недовольство в свое призвание, неврастеников, *mauvais coucheurs*.

Многие – осознанно или нет – ненавидят государственный авторитет только за то, что сами не могут его добиться[399]. Как в басне о лисе и винограде. Ими движет зависть и неукротимая жажда власти. Ненависть несчастных кадетов из больших семей к богатым и властительным двоюродным братьям. Горделивая уверенность, что лучше быть первым в пролетарской Галлии, чем вторым в аристократическом Риме. Существуют и другие типы, которые недалеко ушли. Первыми идут истерики, чудаки. Естественно, что угнетенные стремятся побороть вышестоящих. Но есть и те, кто находится наверху и стремится вниз. Те, кому слишком тесно наверху, верят, что внизу им будет просторнее, они ищут идеальный образ «народа» и «природы», который создали в своем воображении. Взбалмошные идеалисты.

За ними следуют разочарованные и недовольные, те, кому не удалось привлечь внимание и заслужить одобрение буржуазии. Они шумно бросаются пролетариату на шею[400], чаще всего лелея надежду на то, что на фоне всеобщей необразованности им скорее удастся прорваться к свету, лучше исполнить свою роль: мечтатели, непризнанные гении, изгои самого разного сорта, писательская богема, непризнанные изобретатели социальной панацеи, *gates, garins, sabotins*, доктора айзенбарты, что продают свои чудесные снадобья на рыночной площади, паяцы, которым нет дела до развития масс, их главная забота – собственное Я.

Расширение рядов партии для них весьма привлекательно, так как всегда приводит к росту ее авторитета, если не в официальной повестке, то уж точно в сознании масс. В случае наций с сильно развитым стадным чувством, как у немцев, маленькие партии оказываются нежизнеспособны[401]. Некоторые представители буржуазии стремятся найти в социал-демократии то, «чего они не могут найти в маленьких буржуазных партиях»[402]. В этом случае – но чаще в периоды, когда партия из оппозиционной становится партией власти (см. ч. III, гл. 1), – возрастает количество тех, кто воспринимает партию как пьедестал, с высоты которого удобнее потакать своим амбициям и тщеславию. Для них успех – не достигнутая цель и даже не часть пройденного пути по направлению к этой цели, не награда за тяжелый и упорный труд, но лишь признание их личности, чествование их жалкого Я.

Арколео говорил о таких: в случае их победы мы падем жертвами голодных зверей, но, если посмотреть внимательнее, они оказываются горсткой жадных до наживы, но в остальном совершенно безвредных моллюсков[403]. Все это применимо и к небольшим организациям. Если профсоюзы и народные банки находятся во власти рабочей партии и обеспечивают интеллигенцию куском хлеба и влиятельным положением, к ним тянется лишенный любых представлений о социализме и чуждый душевной чуткости коммерческий социализм. В демократии, как и везде, успех означает смерть идеализма.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:53:13

Зверобой обновил 19 января 2026 23:53:27